

Бальмонт К. Д. Слово о полку Игореве

Бальмонт К. Д. **Слово о полку Игореве** // Слово о полку Игореве. - Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1967. - С. 166-176.
Оригинал здесь: [ФЭБ: Бальмонт Слово о полку Игореве - 1967.](#)

Нам начать не благо ль, братья, песню старыми словами,
Песнь, как полк в поход повел он, славный Игорь Святославич?
По былинам лет тех бывших, не по замыслу Баяна,
Эту песнь зачем мы, братья. Он, Баян, певец тот вещий,
Коль кому восхочет песни, белкой он течет по древу,
По земле он серым волком и орлом под облак сизым.
Вспомнит быть времен тех первых, об усобицах сказанья,
Соколов пускает десять к лебединой стае белой,
Чуть домчится первый сокол, лебедь первая закричит, -
И певучим словом песни Ярослав проходит старый,
И в певучем слове песни восстает Мстислав тот храбрый,
Он, зарезавший Редеду пред косожскими полками,
И Роман тот Святославич, в песне он красиволикий.
А Баян пускал не десять соколов проворных, братья,
К лебединой стае белой не летел поспешный сокол,
Нет, он вещи на струны возлагал персты, и звонко
Князю, избранному песней, струны славу рокотали.
Так начнем же, братья, повесть, от Владимира начало
И до Игоря, что ныне ум напруг свой, ум-твердыню,
Заострил свое он сердце, ратным мужеством наполнив,
И привел свои полки он до земли до Половецкой,
Да отмстит, и мщеньем правым, он за Русскую за землю.
Тут взглянул на солнце Игорь, солнце светлое на небе,
Видит он - от солнца черной тьмою воинство покрыто.
И сказал к своей дружине Игорь: "Братья и дружина,
Лучше быть мечом сраженным, чем в бою быть полоненным.
На коней на борзых сядем, Дона синего посмотрим!"
Стали хотьго мысли князя против злого предвещанья,
У великого он Дона захотел изведать счастья.
"Преломить хочу, - сказал он, - с вами, русские, копьё я,
Там, на поле Половецком, может, голову сложу я,
Или - любо будет шлемом мне воды испить из Дона!"
Соловей времен давнишних, о Баян! Тебе бы надо
Песню спеть о том походе, разливаясь звонкой трелью,
Соловьём бы проскакал ты вдоль по мысленному древу,
Возлетя умом под облак, ты хвалой звенел бы в песне,
Славу прошлого свивая с этой славой дней текущих,
И полями, и горами по тропе Трояна мчался б.
Песню Игорю пропел бы, внуку Ольгову, ты складно:
"То не буря, мол, чрез поле соколов несет проворных,
То не галки стаей мчатся посмотреть на Дон великий", -
Ой, Баян, ой, внук Велесов, это всё ты нам пропел бы.
"Ржут, мол, кони за Сулою, слава в Киеве как звоны,
Трубы трубят в Новеграде, стяги вьются над Путивлем", -
Брата Всеволода Игорь, мила брата ожидает.
Молвит Всеволод до брата, говорит Буй-Тур могучий:
"Свет один ты, светлый Игорь, Святославичи мы оба,
Брат один ты, светлый Игорь, так седлай коней ты борзых,
А мои готовы кони, уж оседланы у Курска,
А мои куряне знают, как быть витязями в битве,

Все под трубами повиты, всяк взлелеян под шеломом
И концом копья воскормлен, свистом ветра был баукан,
Все им ведомы дороги, все им знаемы яруги,
Уж натянуты их луки, много стрел, колчан отворен,
Уж наточены их сабли, сами скачут серым волком,
Ищут чести в поле бранном для себя, а князю - славы!"
Князь вступил в золотое стремя, едет Игорь чистым полем,
Солнце путь заткало тьмою, ночь ему грозой стонет,
Будит ветер птиц кричащих, свист зверин в норах звериных,
Кличет див в верхушке древа, чтоб его был слышен голос
По неизвестному краю, и по Волге, и по взморью,
По Суле, и по Суражу, и в далеком том Корсуне,
И тебе бы клич был слышен, истукан Тьмутороканский.
А уж половцы до Дона до великого помчались,
По дорогам неготовым бег бежит, кричат телеги,
Словно лебеди, скликаясь, в полночь кличут долгим кликом.
Игорь к Дону рать уводит. О беде уж знают птицы,
По оврагам волки воют, и орлы к зверям клекочут,
Зов на труп, лисицы лают, ряд узрев щитов червлёных.
Русь, о Русь! Уж ты далеко за грядой холмов сокрылась.
Меркнет ночь, заря запала, сумрак-мгла поля покрыла,
Дремлет посвист соловьиный, говор галичий забредил.
Русь червлёными щитами поле-даль прегородила,
Ищет чести в поле бранном для себя, а князю - славы.

Рано в пятницу разбили силу полчищ половецких
И, рассыпавшись стрелами вдоль по бранному простору,
Вот в полон они помчали красных девок половецких,
С ними золото и ткани, дорогие аксамиты,
Епанчами и плащами мост мостили по болотам
И стелили грязь и топи узорочьем половецким.
Стяг червлен с хоругвью белой, и червеной краски чёлку,
И серебряное древко взял хоробрый Святославич.
Дремлет в поле стая храбрых, Ольгов выводок далече,
Не к обиде порожденный, - что тут сокол, что тут кречет,
Что тебе тут, черный ворон, ты, поганый половчанин!
Гзак несется серым волком, след Кончак направил к Дону.

День другой, и раным-рано свет кровавых зорь поведан,
Тучи черные от моря мнят прикрыть четыре солнца,
В них дрожанье синих молний - будет гром, и гром великий,
С Дону дождь пойдет стрелами, дождь готовит Дон великий.
Тут-то копьям приломаться, тут-то саблям притупиться
По шеломам половецким, на реке на той Каяле,
Что при Доне при великом. Русь, о Русь! Уж ты далеко,
За грядой холмов сокрылась. Вот Стрибожьи внуки, ветры,
Веют с моря, мечут стрелы на полки, где храбрый Игорь.
Земь гремит, и реки мутны, пыль поля запорошила,
Шум знамен: идет от Дона и от моря восток сильный,
Половецкие дружины. Обступили силу русских.
Дети бесовы пресекали поле битвы зычным кликом,
И червлёными щитами Русь поля прегородила.
Тур, о Всеволод, о ярый, ты стоишь на поле брани,
Мечешь стрелы и о шлемы бьешь булатными мечами.
Где ни скочит Тур могучий, где шелом золотой ни вспыхнет,
Там и головы увидишь половецкие на поле,
И оварские шеломы рассекает он булатом.
Он какую будет раной дорожиться в битве, братья,
Позабывши жизнь и почесть, свой забывши град Чернигов,
Золотой престол отцовский, свычай-хоть супруги милой?
Были древле дни Трояна, было время Ярослава,
Миновала брань Олега, что мечом ковал крамолу,
Тот Олег, тот Святославич, по земле он стрелы сеял.
Он ступает в золото стремя в городе Тьмуторокани,

Ярослав великий слышал звон стремян его, - Владимир
Чуть в Чернигове услышит, каждым утром слух замкнет он,
А Борис тот Вячеславич приведен хвальбой был к смерти
За обиду молодого князя храброго Олега,
На зеленую положен был на конскую попону.
Ярополк от той Каялы тело вез отца родного,
Меж угорских иноходцев, ко святой Софии, в Киев.
Как Олег был Гориславич, был посеv междуусобий,
Внук Дажьбожий был в ущербе, век же в княжих крамолах
Сокращался человекам. По земле тогда по Русской
Голос пахаря был редок, часто каркал черный ворон,
Ворон с вороном делили труп убитого, и галки
На кормежку сокликались, говоря своею речью.
Так бывало в прежних бранях, в тех полках и в тех походах,
Но такого не бывало и не слышано сраженья,
Чтоб до вечера от рани, чтобы с вечера до света
Били тучи стрел каленых и гремели сабли в шлемы,
Был бы треск булатных копий на неизвестном том поле,
На неизвестном том поле, средь земли той Половецкой.
Под копытами прибитой, там костями земле посеv был,
И она полита кровью, и взошел посеv печалью,
Ах, тугой - тоской-бедою на земле взошел он Русской!

Что шумит там, что звенит там раным-рано, пред зарею?
Повернул дружины Игорь, брата милого жалеет.
Бьются Всеволод и Игорь. Бились день, другой день бились,
А на третий день, к полудню, пали Игоревы стяги.
Тут-то братья разлучились на берегу Каялы быстрой,
Тут кровавого вина им, - было много, - не достало,
Пир dokonчен храбрых руссов, сватов крепко попили,
Сами пили - недопили и за Русскую за землю
Полегли. Трава поникла, их жалея, а деревья
До земли с тоской склонились. Час уж, братья, невеселый.
Силу русскую прикрыла неприязная пустыня,
И обида встала девой - там, над внуками Дажьбога,
Восплескала в край Трояна лебедиными крылами,
Плеск ее на синем море, - трудный час всплескал у Дона.
Уж князь не на поганых мчат усобицу, - брат брату
Говорит: "Мое и это, да и то". На малость - малость,
Словно молвят о великом, и себе куют крамолу,
Нечестивые тем часом в Русь приходят отовсюду,
Землю Русскую терзая. Далеко заходит сокол,
К морю, птиц бия, далече. Войско Игоря не встанет.
Жля и Карна, кликнув алчно, по земле несутся Русской,
Мечут меч и мычут пламя, жены русские рыдают:
"Уж ни мыслию не мыслить милых лад своих нам больше,
И ни думаю не сдумать, ни очами поглядеть их,
А уж злата, серебра ли, - было, - больше не увидим!"
Восстал тоскою Киев и напастями Чернигов,
Разлилась тоска-истома всею Русскою землею,
Как во рту горячем жажда, скорбь горит землею Русской.
На себя князь ковали - наковали ту крамолу,
Допустили нечестивых, - по земле и рыщут Русской,
От двора беря по белке. Святославича два храбрых,
Игорь с Всеволодом, снова ту неправду пробудили,
Что заснуть сумел заставить Святослав, отец их грозный,
Князь тот киевский великий. Был грозой он непокорным,
Сильным воинством гремел он и булатными мечами,
Приотпал стопой тяжелой Половецкую он землю,
На холмы он наступивши, утоптал везде яруги,
Возмутил озера, реки, иссушил потоки, топи,
А поганого Кобяка из излучины приморской,
Из железных половецких он полков, как вихрь, исторгнул,
В Киеве Кобяк низринут, в гриднице он Святослава.

Немцы там и венецийцы, греки там и там морава
Славят песней Святослава, князя Игоря же - кают,
Упрекают, что на дно он той Каялы половецкой
Рушил воинскую силу, злата русского насыпал.
Пременил в ту пору Игорь-князь седло свое золотое
На Кощеево. Уныли в час тот стены городские,
И веселие поникло.

Святославу же приснился
Мутный сон. "Мне снился Киев на горах, - к боярам рек он. -
С вечера в ту ночь меня вы кутали покровом черным,
А кровать была из тиса. Зачерпнувши, подавали
Синь-вина мне, вместе с ядом, и на лоно высыпали
Из пустых колчанов вражьих, улещая, крупный жемчуг.
Вижу в тереме, - так снилось, - в златоверхом все уж доски
Без конька, без скрепы терем самой верхней, и до света
Будто вороны, закаркав и у Плесенска, близь вала,
Сев на выгон, ночь сидели, не летели к синю морю".
Говорят бояре князю: "Ум тоска заполонила, -
Вот два сокола слетели с златоотчего престола
Поискать Тьмуторокани, зачерпнуть шеломом Дона.
Соколам пообрубили крылья сабли нечестивых,
А самих их захватили, сокола в железных путах".
Тьмою третий день был схвачен, два померкли в свете солнца,
Два столпа багряных темны, и Олег со Святославом,
Месяц с месяцем младые, черной тьмой заволклися.
На реке Каяле быстрой тьма покрыла свет горячий,
Русью половцы, как барсы, скачут, логовище бросив,
Сила русская потопла, Хан не спит, взбодренный буйством.
Где хвала, хула там стала, и неволит сила волю.
Вражий див слетел на землю. Девы готские запели,
Сев на бреге синя моря и позванивая златом,
Русским златом, песнь запели, восхваляя время Буса,
Месть лелея Шароканя. Нам, дружине, нет веселья.

Святослав Великий, в скорби, изронил золотое слово:
"Игорь, Всеволод, родные, рано вздумали мечом вы
Половецкую сечь землю, ладить поиски за славой.
Вы бесславным одоленьем завлеклись неправосудно,
Кровь излили нечестивых. Ваши храбрые сердца вы
Сплошь булатом оковали, в яром буйстве закалили.
Вы того ли возжелали седине моей сребристой?
Уж не вижу власти сильной, власти брата Ярослава,
Что богат был, многовоен, с ним в Чернигове бояре,
С ним Могуты и Татраны, с ним Шельбиры и Топчаки,
С ним Ревуги и Ольберы. Без щитов, - кинжалы в руки, -
Кликом воинства сражают, славой прадедов ударив.
Вы же: "Будущая слава - наша, прошлую поделим".
Разве диво, братья, стару молодеть? Перелинявши,
Сокол птиц взобьет высоко, а гнезда не даст в обиду.
То беда, что не пособие мне князья, - другое время.
Уж под саблей половецкой стонут Ромны, а Владимир
Весь изранен, сыну Глеба - только горе и печали.

Князь ты Всеволод великий, прилетел бы издалека,
Порадел бы о защите златоотчего престола.
Ты веслом разбрызжешь Волгу, Дон шеломами ты выльешь,
Будь ты здесь - и дешев пленник, а рабыня и дешевле.
Чрез сынов удалых Глеба стрелы птицами ты мечешь.
Ты, буй Рюрик, ты, Давыд наш, где золотые шлемы ваши?
Не поплыли в лужах крови? И не ваша ли дружина,
Словно туры, заметалась под булатом под каленым?
Вы вступите, господари, в стремена свои золотые,
Чтоб отмстить за час тяжелый, на земле наставший Русской,

Чтоб за Игоря вступиться, Святославича оправить.
К Осмомыслу Ярославу клич несем мы в самый Галич,
Ты сидишь там на высоком златокованом престоле,
Высь подпер ты гор Угорских всё железными полками,
Королю ты путь заставил, затворил в Дунай ворота,
Камни мечешь через тучи, суд ты рядишь до Дуная,
По земле течешь грозюю, в Киев путь ты отворяешь,
С златоотчего престола шлешь удар Султанам дальним.
Устрями же, господине, устрями удар в Кончака,
В нечестивого Кошея, - порадей же ты о Руси,
Чтоб от ран своих окрепнул буй наш Игорь Святославич.
Буй Роман с Мстиславом храбрым, смелый ум ваш - зов на подвиг,
Вы, как сокол, что ширяет по ветрам, плывете в выси,
Сокол птицу одолеет, в ветре быстрюю нагонит.
Ведь у вас железны латы и латинские шеломы.
Сотряслась земля под вами, слышат ханские владенья,
И литва, ятвяги, вместе с деремелой, копьа бросив,
Ниц склонились головами под булатными мечами.
Но для Игоря для князя солнца свет уж умалился,
Не к добру с деревьев листья обронились. И по Роси,
По Суле - в разделе грады. Войско Игоря не встанет.
Дон к тебе, о князь, взывает. Он князей зовет к победе.
Князи Ольговичи храбры, - брань почуяв, поспешили.
Ингварь, Всеволод, все трое вы Мстиславичи лихие,
Шестикрылый рой, гнезда вы не худого, но, до власти
Устремясь, ее стяжали вы не жребием победным.
Где же шлемы золотые, копьа с польскими щитами?
Стрелы остры, заградите вы ворота, и вступитесь
Вы за Русскую за землю, ранен Игорь Святославич.
Уж Сула струей серебристой не течет к Переяславлю,
И Двина течет болотом к полочанам, в кликах вражьих.
Изяслав лишь, сын Васильков, о литовские шеломы
Грянул острыми мечами, славу деда он Всеслава
Затемнил, а сам низлег он под червлеными щитами,
На траве окровавленной, взмах узнав мечей литовских.
И, на ту кровать прилегши, рек: "О князь, твою дружину
Птицы крыльями одели, кровь ее лизали звери".
Брячислав там брат с ним не был, не был Всеволод там брат с ним,
И жемчужную ту душу из бестрепетного тела
Испустил один-один он чрез золотое ожерелье.
Городенские унылым гласом трубы затрубили.
Ярослав и все Всеслава внуки, стяги преклоните,
Вы мечи вложите в ножны. Слава дедов позабыта.
Вы крамолами вманили в землю Русскую неверных,
Жизнь Всеслава омрачая. Распри кликнули насилье
От земли вам Половецкой. На седьмом Трояна веке
Князь Всеслав закинул жребий о девице, сердцу милой.
Он, клюками подпершись, на коней скочил и едет
К граду Киеву, коснулся древком копьевым престола,
Лютым зверем побежал он прочь, на полночь из Белграда,
Приукрылся синей мглюю и орудьем стенобитным
Новгородские ворота отворил, разбил он славу
Ярослава и с Дудуток до Немиги прыгнул волком.
А снопы-то на Немиге из голов там устилают,
В молотьебье молотят крепко там булатными цепами,
Жизнь кладут на ток и веют душу вольную от тела.
На берегах окровавленных, на Немигских, сея, сеют,
Да не жито, да не травы - сеют густо кости русских.
Князь Всеслав - людей судил он, города князьям рядил он,
Сам же в ночь он рыскал волком, волк от Киева несется,
До утра - в Тьмуторокани, Солнце-Хорса перерыщет.
До заутрени звонили для него в Святой Софии,
В граде Полоцке, а звоны в стольном Киеве он слышал.
Хоть и вещею душою он владел в несмирном теле,

Но от бед страдал он часто. Для таких Баян-провидец
Спел мудреную припевку: "Будь ты хитрым, будь гораздым,
Будь ты птицею гораздой, не уйдешь суда господня".
О, земле восплакать Русской, первоначально вспомнив
И князей припомня первых! Мог ли быть Владимир старый
Пригвожден к горам, где Киев? Ныне Рюрику достались
Эти стяги и Давыду, но хоть машут бунчуками,
А хвосты их выются порознь, каждый в сторону иную".

Свист ли копий или песня? Что за песня над Дунаем?
Ярославнин слышен голос. Как безвестная кукушка,
Кличет рано: "Полечу, мол, я кукушкой по Дунаю,
Омочу рукав бобровый я в реке Каяле быстрой,
Раны я утру на князе, кровь утру на теле сильном".
Рано плачет Ярославна на стене градской в Путивле,
Кличет к ветру: "Ветр, ветрило, ты к чему насильно веешь?
Ты зачем, о господине, на своих нетрудных крыльях
Стрелы ханские бросаешь на бойцов, где он, мой Ладо?
Мало ль было в высях веять и летать под облаками,
Прилетев, качать-лелеять корабли на синем море?
Ты зачем мое веселье ковылями всё развеял?"
Рано плачет Ярославна на стене градской в Путивле:
"Славный Днепр, пробил ты горы сквозь земли той Половецкой,
Святославовы суда ты, в стан Кобяков мча, лелеял,
Возледей, о господине, моего примчи ты Лада,
Чтобы утром я не слала слез к нему на море рано".
Рано плачет Ярославна на стене градской в Путивле:
"Солнце светлое, свет-солнце, ты для всех тепло и красно,
Для чего же, господине, ты стремишь свой луч горячий
На войска, где он, мой Ладо? Для чего в безводном поле
Ты тоской им сушишь луки и колчаны затворяешь?"

Взволновалось сине море в час полуночи глубокой,
Встали мороки и мглятся, князю Игорю дорогу
Кажет бог к отчизне Русской из земли той Половецкой,
К златоотчему престолу. Свет погас зари вечерней.
Игорь спит. А Игорь спит ли? Игорь мыслью поле мерит
От великого ли Дона до Донца, что мал в теченьи.
В полночь конь. Овлур надежный, - слышно, - свистнул за рекою,
Разумей, мол, князь. Князь Игорь тут не тут и тут не будет.
Кликнул, стукнул земь в пробеге. Зашумели, шепчут травы.
Половецкие заставы! Зыбь в них. Бег свой мчит князь Игорь.
К тростнику он горностаем, белым гоголем на воду,
На коня вскочил, конь борзый, и с коня босым он волком,
И к Донецкому он лугу побежал, - под облаками
Реет соколом, - на завтрак, и к обеду, и на ужин
Бьет гусей и лебедей он. Если Игорь - сокол в лете,
Влур, Овлур - течет он волком и росу с себя стряхает,
Ибо в беге надорвались жарки борзые их кони.
Говорит Донец: "Князь Игорь, для тебя немало славы,
Для Кончака - злой досады и веселья - русским людям".
- "О Донец, - ответил Игорь, - и тебе немало славы,
Что волной лелеял князя, что зеленую траву ты
Стлал ему постелью мягкой на серебряном на берегу,
Кутал мглой своею теплой, осенял зеленым деревом,
На воде нырком лелеял, на струях стерег ты чайкой,
На ветрах качал летящей быстро чернетью проворной.
Не такая, - он примолвил, - та река худая, Стugna,
Ток чужой она глотает, в берег кинет струг, разломит,
Юну князю Ростиславу Днепр закрыла-затворила,
Плачет мать по юном князе Ростиславе и тоскует.
Восскорбев, цветы увяли, и к земле склонилось древо".

Чу, стрекодут не сороки, а по Игореву следу

Гзак с Кончаком следа ищут. Тут не каркали вороны,
Тут и галки приумолкли, и сороки без трещанья
Только ползали по сучьям, дятлы путь к реке казали,
Соловьи веселой песней свет поведали, распели.
Говорит Кончак ко Гзаку: "Если сокол улетает,
Мы застрелим соколенка золочеными стрелами".
Говорит Кончак ко Гзаку: "Если сокол улетает,
Мы увяжем соколенка, взявши красною девицей".
Говорит тут Гзак к Кончаку: "Если красною девицей
Нам опутать соколенка, нам не будет соколенка,
И ни красной нам девицы, и не будет нам девицы,
И начнут терзать нас птицы в чистом поле Половецком".
Рек Баян - и о походах, в оно время им пропетых,
Святослава, Ярослав и Олега вспоминая,
Молвил: "Тяжко с головою, но без плеч, и худо телу,
С головою разлучившись". И без Игоря не благо
Русской быть земле. На небе светит солнце золотое.
Игорь-князь - в земле он Русской! И девицы на Дунае
Песнь поют. Их голос слышен вплоть до Киева чрез море.
По Боричеву он едет, Игорь-князь, чтоб помолиться
Богородице Пресветлой Пирогощей. Люди рады.
В городах идет веселье. Песнь князьям пропета старым,
Молодым за ними также. Слава, Игорь Святославич,
Слава, Всеволод, буй тур он, и сын Игоря, Владимир!
Здравье, князи и дружина, на неверные полки вы,
Христианам на защиту, ратоборствуете. Слава!

20-24 декабря 1929 - 24 апреля 1930

Капбретон